

Мария Аксёнова

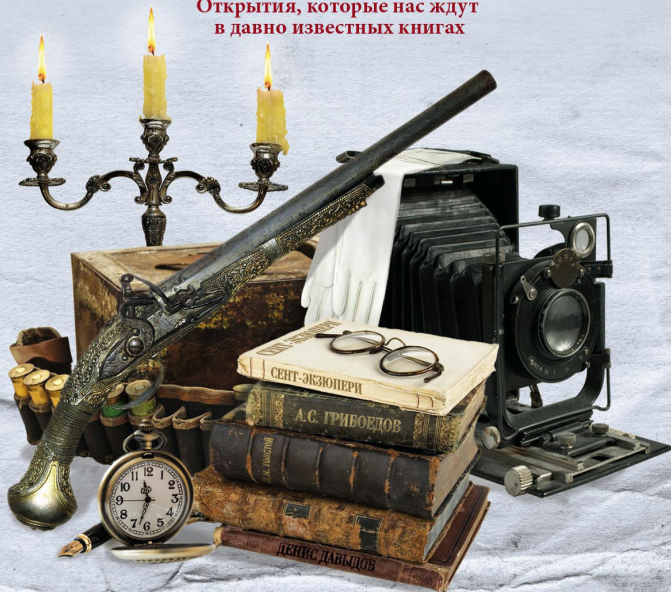
Академик РАН, главный редактор
«Энциклопедии для детей Аванта +», телеведущая

Знаем ли мы всё о классиках мировой ЛИТЕРАТУРЫ?

Кто они? Дипломаты, шпионы, конспираторы, военные

Неизвестные подробности судеб писателей и их произведений,
характеристики личности, не получившие объяснения загадки

**Открытия, которые нас ждут
в давно известных книгах**

Мария Дмитриевна Аксёнова

Знаем ли мы все о классиках мировой литературы?

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37927866

Знаем ли мы всё о классиках мировой литературы? / М.Д. Аксёнова:

Центрполиграф; Москва; 2018

ISBN 978-5-227-07865-0

Аннотация

...«И гений, парадоксов друг» – гений и впрямь может быть другом парадоксов своей биографии... Как только писателя причисляют к сонму классиков – происходит небожественное чудо: живого человека заменяет икона в виде портрета в кабинете литературы, а всё, что не укладывается в канон, как будто стирается ластиком из его биографии. А не укладывается не так уж мало. Пушкин – «Солнце русской поэзии» – в жизни был сердцеедом, разрушившим множество женских судеб, а в личной переписке – иногда и пошляком. Можно умиляться светлым отрывкам из недавно введенного в школьную программу «Лета Господня» Ивана Шмелёва, но как забыть о том, что одновременно с этой книгой он писал пламенные оды в поддержку Гитлера? В школе обходят эти трудности, предлагая детям удобный миф, «хрестоматийный глянец» вместо

живого человека. В этой книге есть и не слишком приглядные подробности из биографий русских классиков. Их вполне достаточно для того, чтобы стряхнуть с их тел гранитно-чугунную шинель официозной иконы. Когда писатели становятся гораздо более живыми, чем на страницах учебников, то и их позитивное воздействие на нас обретает большую ценность.

Содержание

Между строк классики	8
Глава 1	16
Жизнь Вазир-Мухтара	17
Шпынь Фонвизин	27
Певец забавы	31
Тот, кто ускорил будущее	38
Архивариус всего мира	41
Свист полночный соловья	43
Друг Гёте и Шуберта	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мария Аксёнова

Знаем ли мы всё о классиках мировой литературы?

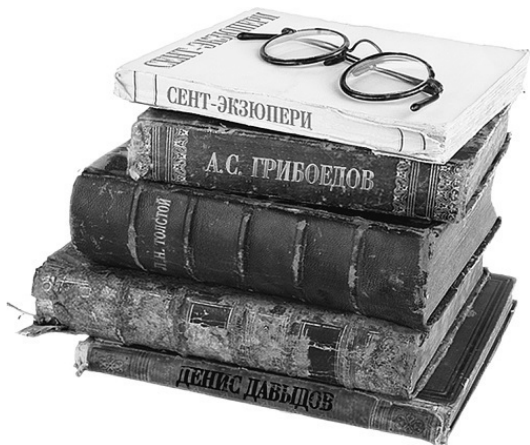

Кто они?

Дипломаты, шпионы, конспираторы, военные

Неизвестные подробности судеб писателей и их произведений, характеристики личности, не получившие объяснения загадки

Открытия, которые нас ждут в давно известных книгах

Академик РАН, главный редактор «Энциклопедии для детей Аванта +», телеведущая

Между строк классики

Вместо предисловия

*Ах, Александр Сергеевич, милый,
Ну что же вы нам ничего не сказали
О том, как держали, искали, любили,
О том, что в последнюю осень вы знали.*
Юрий Шевчук

«Классика? А почему её надо читать? Почему надо употреблять продукт, у которого явно закончился срок годности?» – вопрошают некоторые современники. И порой сомневаешься – может, и вправду незачем...

Конечно, классика просачивается к нам сквозь любые фильтры: даже те, кто не читал «Горе от ума», легко ввернут в разговор «Свежо предание, а верится с трудом», «Служить бы рад, прислуживаться тошно», «Счастливые часов не наблюдают» и другие присказки, на которые разлетелась единственная грибоедовская пьеса (а насчитывают таких цитат более 60, причём живут они в народной речи уже третье столетие!).

Но так везёт далеко не всем. Большинству книг всё же нужен свой Вергилий, свой проводник читательскому сердцу. А если попадётся вместо Вергилия строгая «училка литературы», то так и остаётся классика то ли табакеркой из сказ-

ки Одоевского, то ли ящиком Пандоры: стоит себе «чёрный ящик» и что-то символизирует, а стоит ли в него лезть и что там может быть внутри – непонятно.

Возможно, и впрямь насильно мил не будешь, помогут ли ухищрения педагогов заставить нынешних комикстинов полюбить Толстого и Достоевского?

Полюбить – не знаю, вот понять – да, а возможно даже – почувствовать их героев.

...В школе я любила только Лермонтова и Грибоедова – мне нравился их слог, мне были понятны переживания их героев.

Прошли годы – и жизнь начала сталкивать меня лоб в лоб с персонажами Достоевского – то с бледными Раскольниковыми, считающим, что он «право имеет», поскольку он выше других, то с подленькими Смердяковыми, а уж банальных Лужиных и вовсе было хоть отбавляй.

В школе же вместо того, чтобы открыть классику, соотнести со своим опытом и, возможно, найти своё собственное прочтение, мы лишь «проходим» её... Или, скорее, она проходит мимо нас (как же удивительно многозначен русский язык!).

...Помню, моя подруга спросила учителя: почему Анна Каренина обожала сына, рождённого от нелюбимого мужчины, и была абсолютно равнодушна к дочери от Вронского? «Это не главное в романе», – последовал сухой ответ. Традиционной школе чужда мысль о том, что «главное» у каждого

своё и каждый литературный образ читатель строит вместе с автором (и трудно даже сказать, чья роль главнее).

Данко и Павел Корчагин – кто они, пассионарии или безумцы, святые или фанатики?

Смешон или трагичен Онегин?

А Хлестаков – кто он, трикстер, хрестоматийный дурачок или поэт, каким показал его Андрей Миронов?

У каждого талантливого читателя, как и у актёра, – свой Хлестаков, свой Раскольников, свой Гамлет. Но если талантливым актёром надо скорее родиться, то читателем можно стать.

В школе нас не учили смотреть на героев по-разному – напротив, превращали самые многозначные образы в плоские клише.

Нас не учили сопричастности к акту творения. А ведь чтение – это всегда со-творчество, со-чувствие, со-переживание, и если и может развиваться душа в человеке, то именно таким образом. Душу не разбудят готовые концепции, выданные в качестве фастфуда даже самым талантливым учителем.

Возможно, вам повезёт, и с возрастом вы сами откроете многозначность и глубину книг, казавшихся такими чужими и плоскими в школьные годы: таких счастливиц немало. И надеюсь, благодаря этой книге будет ещё больше.

Я лично знаю многих людей, «переоткрывших» классику самостоятельно – и с изумлением открывших для себя вме-

сто заученных цитат манящий мир блистательной мысли, яркого юмора и вкусного русского слова...

Главное – не упустить те книги, которые жизненно важно прочесть в детстве, – вряд ли кто-то из нас захочет в зрелом возрасте перечитать Майн Рида или Жюль Верна... Кстати – точно так же губительна попытка форсировать интерес к чтению, чем, увы, злоупотребляет современная школьная программа. Спору нет, практически любой школьник поймёт стихи Пушкина и Лермонтова – но вот уже на пьесах Чехова он легко может споткнуться. Что уж говорить о Достоевском или Толстом, которых далеко не всегда понимали даже взрослые их современники?

Конечно, классики – потому и классики, что в их книгах много «этажей»: что-то «резонирует» с тобой в юности, а понимание другого приходит с возрастом... И всё же, как мне кажется, упору на количество стоит предпочесть качественное чтение. Вот «Онегин» или «Герой нашего времени»: мы пролетаем их, как на скоростном экспрессе, а сколько остаётся непонятым, незамеченным (не каждому же выпадет знакомство с комментариями Бонди или Лотмана!). А ведь Печорин – это не только «лишний человек», но и глубоко национальный характер, значение которого так и не понято должным образом, это и мелодика стиля, и огромный пласт российской истории XIX столетия. К тому же мотивы одиночества, отверженности, особенности понятны любому ребёнку: за это бы и ухватиться, и раскрыть эти книги до конца!

Но учебное расписание неумолимо: три часа на одно, пара уроков на другое. А ведь американские школьники по несколько месяцев изучают «Моби Дика» или «Над пропастью во ржи»! Иногда понять одну-единственную книгу намного важнее, чем «пройти» целый десяток...

Главное в обучении – не запомнить цвет ленточек, которыми перевязывал пачки денег Фёдор Павлович Карамазов, и не докопаться до отчества Татьяны Лариной – а помочь ребёнку сформировать свой взгляд, свое видение. И не бояться, если позиция читателя не совпадёт с авторской, что тоже бывает сплошь и рядом. Не стоит вслед за Толстым бросать в лицо Наташе Ростовской презрительное «Обабилась!», найдя её счастливой в замужестве и материнстве, – и вряд ли Лев Николаевич должен быть здесь непререкаемым авторитетом.

...И тут мы подходим к ещё одной, невероятно важной проблеме: несовпадение творца и творения, личности творца с неизбежными «особенностями» и духа его произведений. Помните мучения пушкинского Сальери, открывшего, что создатель Ватикана мог-таки быть убийцей?

...«И гений, парадоксов друг» – гений и впрямь может быть другом парадоксов своей биографии...

Как только писателя причисляют к сонму классиков – происходит небожественное чудо: живого человека заменяет икона в виде портрета в кабинете литературы, а всё, что не укладывается в канон, как будто стирается ластиком из его биографии. А не укладывается не так уж мало.

Вот тот же Пушкин. «Солнце русской поэзии» в жизни был сердцеедом, разрушившим множество женских судеб, а в личной переписке – порой и пошляком. Можно умиляться светлым отрывкам из недавно введенного в школьную программу «Лета Господня» Ивана Шмелёва – но как забыть о том, что одновременно с этой книгой он писал пламенные оды в поддержку Гитлера?

Порой, изучая жизнь того или иного классика, приходишь в изумление и начинаешь вопрошать: как человек с такими низменными наклонностями мог написать стихи, полные неземной мудрости и красоты? Разве могла легендарная в своей пошлости строчка в пушкинском дневнике об Анне Керн и «Я помню чудное мгновенье» выйти из-под одного пера? А с другой стороны: может ли не имеющий сомнений, не допускающий ошибок, не знающий душевной боли Господин Совершенство написать ЖИВУЮ книгу, резонирующую с нашими сомнениями, метаниями и болью? Не родственны ли муки творчества и муки борьбы добра и зла внутри самого автора?

В школе обходят эти трудности, предлагая детям удобный миф, «хрестоматийный глянец» вместо живого человека – возможно, это вынужденный, необходимый обман, но может ли вообще обучение основываться на обмане?

Порой кажется скорее обратное: нет лучшего способа спровоцировать подростков вчитаться в классика, чем раскрыть перед ними всю корзину с грязным бельём, выставив

Гоголя некрофилом, Достоевского и Булгакова – наркоманами, Толстого – сексуальным маньяком... А потом – просто запретить всю классику – запретный плод ведь сладок.

Надеюсь, я сумела пройти между Сциллой и Харибдой, не поддавшись ни одной из этих крайности. Да, здесь есть немало не слишком глянцевого подробностей из биографий русских классиков – вполне достаточно для того, чтобы стряхнуть с их тел гранитно-чугунную шинель официозной иконы. Тот же Пушкин был хорошим другом. Не слишком симпатичный в быту Гоголь может тронуть своим глубоким и искренним интересом к духовным вопросам. Снимите маску циника с Лермонтова – и обнаружите искреннего, отважного и бесконечно одинокого человека.

Когда писатели становятся гораздо более живыми, чем на страницах учебников, то и их позитивные качества обретают большую ценность.

Эта книга, раскрывающая не слишком известные страницы жизни многих классиков, – прямой путь к открытиям. Открывая книги, мы открываем и их создателей. А вместе с ними – время, эпоху, а в конечном итоге – и самих себя. «Лев Толстой, как зеркало русской революции»... В одном Ленин не так уж и не прав, ибо русская литература – действительно зеркало. В котором мы видим отражение мечущейся, бунтующей, беспощадной в своей тоске русской души, уже которое столетие вопрошающей: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Вот она, настоящая магия литературы – не пассивное заглывание страниц, не зубрёжка, не копание в цитатах! Здравствуй, Борхес с «Садом расходящихся тропок», на перекрёстке которых возможны любые встречи, а любой герой неизменно оказывается зеркалом, отражающим какую-то часть тебя самого...

Жаль, что по этому саду так мало хороших путеводителей, которые будят фантазию и желание сотворчества. Такие книги есть, только появляются они крайне редко. У прошлого поколения была «Родная речь» Вайля и Гениса.

Надеюсь, и эта книга послужит той же цели, и русская классика приобретёт для вас новое, неожиданное «послевкусие» (как модно сегодня писать в окологнижных блогах). С перчинкой ли оно будет, с цитрусовыми привкусами или с изюминкой – уже не важно. Важен интерес и желание попробовать ещё.

А такое желание появится непременно.

Глава 1

Писатели-дипломаты

Дипломат – это человек, который должен превратить барабанный бой политиков в звуки арфы.

Юджин О'Нил

На Московском кинофестивале Мария Захарова, официальный представитель российского МИДа, прочитала стихи собственного сочинения, чем многих приятно поразила. На самом деле она далеко не единственный литературно одарённый человек в дипломатической когорте. Среди представителей МИДа поэтов и писателей было столько, что это может показаться неожиданным.

Мы расскажем о тайнах, связанных с некоторыми из них. И начнём с уже цитировавшегося нами автора «Горя от ума».

Жизнь Вазир-Мухтара

«Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» Мало кто помнит, что эти знаменитые строки Пушкина написаны в связи с трагически короткой жизнью и страшной гибелью Александра Сергеевича Грибоедова.

Пожалуй, большинству современников Грибоедов известен лишь как автор «Горя от ума». Однако он был не только талантливым драматургом, поэтом и журналистом, но и ярким композитором. И всё же главным делом жизни этого человека являлась служба в Коллегии иностранных дел. Как дипломат Грибоедов имеет немалые заслуги перед Россией. Он и погиб, исполняя свой профессиональный долг в Персии. Было Александру Сергеевичу всего тридцать четыре года. Смерть российского посланника до сих пор окутана тайной. Впрочем, загадок, связанных с жизнью Грибоедова, предостаточно... И начинаются они с момента его рождения. Сам он в послужных списках указывал то 1795, то 1793 год, а позже только 1790-й год. Последняя дата означает, что Грибоедов появился на свет за два года до замужества матери, то есть был незаконнорождённым сыном. Мать, Настасья Фёдоровна – богатая помещица весьма крутого нрава, – к занятиям сына литературой относилась весьма неодобрительно. Официальный отец, Сергей Иванович, с семьёй не жил –

проводил время в собственной дереvушке за карточной игрой. О нём Грибоедов не упоминает ни разу. Кто был настоящим его отцом, неизвестно.

Александр получил превосходное домашнее образование, учился в Московском благородном университетском пансионе... Такого, как он, сегодня назвали бы вундеркиндом – в Московский университет Грибоедов поступил одиннадцати лет от роду. Причём науки ребёнок постигал сразу на трёх факультетах: словесном, юридическом и физико-математическом.

Он был настоящим денди: демонстративно носил очки, чего молодые люди того времени стеснялись, одевался вызывающе модно, на светских собраниях отпускал ядовитые остроты, был дуэлянтом...

По традиции русских дворянских семейств Александра Сергеевича с детства учили музыке. Поэт блистательно играл на рояле и обладал композиторским даром. К сожалению, большинство сочинённых Грибоедовым пьес не было им записано на нотную бумагу и не сохранилось. До нас дошли лишь два вальса для фортепиано – ля-бемоль мажор (E-moll) и ми минор (A5-dur). Они исполняются до сих пор – в том числе и на сценах престижных концертных залов.

В 1812 году Александр вступил в Московский гусарский полк, но принять участия в военных действиях болезненно-му юноше не довелось. Прослужив в армии до 1816 года, корнет Грибоедов подал в отставку и поселился в Москве.

После парной дуэли Шереметев – Завадский, Грибоедов – Якубович, закончившейся гибелью Шереметева, Грибоедов резко изменился, оставил привычки дуэлянта и модника и определился на дипломатическую службу.

В 1826 году поэта арестовали по делу декабристов – против него показывали Оболенский, Трубецкой, Рылеев и другие... Однако их утверждение, что Грибоедов был членом Северного общества, фактических подтверждений не нашло, и Александра освободили с «оправдательным аттестатом» – документом, снимающим всякие подозрения. В сентябре того же года Грибоедов вместе с Денисом Давыдовым прибыл в Тифлис. В то время Персия вторглась в Грузию – шла война...

Поговаривали, что на Кавказ Александр бежал от большой любви, которую тщательно скрывал от друзей и родни. Сам Грибоедов говорил, что из-за неё «в грешной своей жизни чернее угля выгорел». Биографам остаётся только гадать, кто была эта женщина.

Среди романтических увлечений поэта известна жена издателя «Горя от ума» Булгарина, Леночка. Грибоедов не проявил благодарности к приятелю, хотя Булгарин сильно рисковал, публикуя острую и, по тем временам, дерзкую комедию.

Был у Александра Сергеевича и роман с балериной Катенькой Телешовой, которую Грибоедов отбил у генерал-губернатора Петербурга, графа Милорадовича. Впрочем, к

своей страсти Грибоедов быстро охладел.

Летом 1827 года Александр Грибоедов был направлен генералом Паскевичем в лагерь персидского командующего, принца Аббас-Мирзы. Трудные переговоры, в которых русский посланник проявил большое искусство, завершились Дай-Карганским перемирием, а в 1828 году – Туркманчайским миром, по которому России отходили Эриванское и Нахичеванское ханства, Карабах и часть Азербайджана. Грибоедовым написаны несколько статей договора и отредактирован весь его текст. Александр Сергеевич был удостоен чести лично доставить царю подписанный договор. Николай I наградил Грибоедова чином статского советника. Молодой дипломат счёл свою службу исполненной и собирался остаться в Петербурге. Но вскоре последовало его роковое назначение на должность «вазир-мухтара» – так назывался пост полномочного министра-резидента России в Персии.

По пути на место назначения он вновь провёл несколько месяцев в Тифлисе, где неожиданно женился на шестнадцатилетней Нине Чавчавадзе. По слухам, они даже разговаривали мало – всё больше играли в четыре руки на фортепиано. Девушка покорила поэта и красотой, и преданностью. Грибоедов тогда заболел «колониальной» жёлтой лихорадкой и записал коротенько: «Нина не отходила от моей постели, и я на ней женился». С юной женой Александру было суждено прожить всего несколько недель. В Тегеран он взять её не решился. На прощание Грибоедов неожиданно сказал су-

пруге: «Не оставляй костей моих в Персии, если умру там. Похорони меня в Тифлисе, в монастыре Святого Давида». Нина подумала, что это шутка, и, улыбаясь, обещала всё исполнить...

Ещё находясь в действующей армии Паскевича, Грибоедов составил проект организации Русской закавказской компании по образцу Британской Ост-Индской. Русская компания должна была иметь право строить крепости, содержать собственные войска, чтобы вести мощную торговую экспансию.

К моменту прибытия Грибоедова в столицу Персидской империи там действовали два соперничавших британских представительства. Посланником могущественной Ост-Индской компании, формально подчинявшейся королю Англии, был человек по имени Рональд Макдональд. Компания была заинтересована в том, чтобы Персия сохраняла мир с Россией. И Макдональд делал для этого всё. К тому же англичанина с Грибоедовым связывали отношения личной дружбы. Официальными же дипломатическими представителями британской короны в Тегеране были Генри Уиллок, его брат Джордж и врач Джон Макнил. Эти люди придерживались курса на конфронтацию с Россией. Более того, Джон Макнил был автором первой теории «сдерживания», изложенной в памфлете «Будущее и настоящее положение России на Востоке».

Грибоедов стал проявлять свой характер с первой же

аудиенции у персидского монарха. По случаю встречи русского посланника шах Фетх-Али был облачён в шитые серебром, золотом и жемчугом одежды и в огромный парчовый тюрбан с перьями. В таком громоздком и тяжёлом наряде он не мог даже присесть. Грибоедов же, не соблюдая персидского этикета, коротко поклонился и уселся в кресло у стены в непринуждённой позе. Шах не стал прерывать церемониал и полтора часа простоял перед русским посланником, словно разряженная кукла. Лишь глаза «владыки Вселенной» нехорошо сверкали.

Надо сказать, что формально главой Персии был Фетх-Али, пребывавший в Тегеране, но на практике страной управлял его сын, Аббас-Мирза. Резиденция наследника престола находилась в Тебризе, куда, покончив с официальными церемониями, и намеревался отправиться новый русский посланник. На 27 реджеба, 21 января старого стиля, был назначен отъезд Грибоедова из Тегерана. Вечером 19 января шах прислал подарки отъезжающим русским дипломатам, а 20-го дал Грибоедову прощальную аудиенцию.

Вечером того же дня евнух шахского гарема, бывший христианин Мирза-Якуб, пришёл к Грибоедову, прося убежища, признания русского подданства и вывоза в Россию. Согласно одной из статей Туркманчайского договора, Грибоедов эту просьбу игнорировать не мог, однако понимал, что если принять беглеца, то осложнения будут неизбежны, и сумел от него отделаться. Однако на этом злключения русского по-

сланника не закончились. Где-то между 24 и 26–27 января зять шаха, Аллах Яр-хан, привёл в русское посольство двух армянок-христианок из своего гарема, которые внезапно тоже пожелали вернуться на историческую родину, и Грибоедову ничего не оставалось, как принять их. Тут же поползли слухи о том, что русский вазир-мухтар отнял у Аллаха Яр-хана гаремных женщин против их воли... Шах трижды лицемерно предупреждал Грибоедова об опасности нападения черни, с которой якобы не в силах совладать. Поначалу к зданию миссии, выкрикивая оскорбления, ринулись несколько десятков персов. Грибоедов приказал дать холостой залп, но один из нападавших упал замертво, сражённый боевым выстрелом не из посольства. Всё это было очень похоже на старый сценарий с «сакральной жертвой». Персы отнесли тело убитого в мечеть, где муллы тут же потребовали «джахата».

30 января здание русской миссии было вновь атаковано толпой фанатиков. Персидская охрана посольства тут же разбежалась. Расправа над русскими дипломатами была жестокой. Их тела несколько дней таскали по улицам, привязав к ним дохлых кошек и собак, а затем изрубили на части и сбросили в яму за городскими стенами. Спасти удалось лишь секретарю Мальцову, находившемуся в момент нападения персов в соседнем доме, да курьеру Амбарцуму, которого просто не добились.

Вопрос о том, какую роль в гибели русского посла сыграли англичане и почему вероотступник Мирза-Якуб вдруг

вспомнил о былой вере и пришёл, якобы за спасением, в русское посольство, ещё долго будет оставаться без ответа. Но в дневниках британского лейтенанта Александра, опубликованных ещё до гибели Грибоедова, говорится, что евнух был своим человеком в английской миссии. Не потому ли, предчувствуя провокацию, Грибоедов пытался не слишком дипломатично от него избавиться?

Нине Грибоедовой долго не говорили правды – она была беременна. Отсутствие писем от мужа объясняли его болезнью. Но она подслушала чей-то разговор и обо всём узнала. Страшное известие спровоцировало преждевременные роды. Ребёнок умер через час после рождения... Нина носила траур по мужу до конца жизни.

Считается, что шах, предвосхищая желание русского царя получить тело посла, отдал приказ найти останки Грибоедова. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» пишет: «Обезображенный труп его, бывший три дня игралищем тегеранской черни, узан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею». Но откуда наш великий поэт узнал об этом, неизвестно. Оpoznать Грибоедова в Тегеране мог один человек – Мальцов, но он был арестован и через некоторое время под стражей отправлен в Россию. Армянские источники сообщают, что посланные шахом люди не смогли найти труп Грибоедова и пригласили армянских купцов и других русских подданных, но и те не могли никого опознать. Вероятнее всего, в гроб уложили останки, которые со-

хранились лучше других. Русский консул в Тебризе А. Амбургер узнал о гибели посольства только через неделю. Тело привезли в Тебриз ещё позже. Амбургер доносил Паскевичу: «При открытии гроба тело покойного Александра Сергеевича не имело почти никаких признаков своего внешнего изображения; оно, по-видимому, было ужасно изрублено и закидано камнями и перешло в сильное тление, а потому законопатили гроб и залили нефтью». Это означает лишь одно: опознание было бессмысленным, но всё же на деле решили поставить точку, объявив, что тело Грибоедова получено. Провокаторы не достигли своей цели начать войну: Николаю I нужен был мир с Персией, и он его сохранил.

Чьи останки покоятся в могиле Грибоедова – самая большая загадка. Возможно, это кенотаф – она пуста. Но скорее всего, это невольная братская могила, в которой находятся останки нескольких членов русской миссии в Тегеране.

В Москве до сих пор нет музея Грибоедова, дипломатические заслуги которого сравнимы с литературными. А премия его имени не выдержала испытания писательскими разборками. Зато в Англии работает Грибоедовское общество, вручается Грибоедовская премия для студентов, одной из номинаций которой является максимально точный перевод на английский язык комедии «Горе от ума» с сохранением архаичных выражений, стиля эпохи, в которой писал драматург. Одним из лучших переводов этой пьесы считается текст, исполненный британским классиком, автором «Механическо-

го апельсина» Энтони Бёрджессом, названный перифразом Уайльда – «Как важно быть глупым».

Шпынь Фонвизин

«Сатиры смелой властелин», **Денис Иванович Фонвизин** (1745–1792), тоже состоял на дипломатической службе. Весёлый автор хрестоматийных комедий «Недоросль» и «Бригадир» исполнял более чем серьёзные обязанности – служил секретарём и доверенным лицом у главы Коллегии иностранных дел Н.И. Панина и хранил немало государственных секретов. После смерти шефа Фонвизин, надо полагать, продолжал тайно работать по дипломатическому ведомству: он выезжал за границу и довольно долго находился во Франции. Его письма сестре о сложной обстановке в этой стране полны пронизательных наблюдений и точных выводов, которые дают возможность предположить, что тайными донесениями дипломата в Коллегии иностранных дел были вполне довольны.

Кстати, Фонвизина всегда раздражало преклонение русских перед европейцами, и он, со свойственным ему сарказмом, высмеивал так называемую «блестящую» жизнь в «прекрасной Франции»: «Удивиться должно, сестрица, какие здесь невежды. Дворянство особливо – ни уха ни рыла не знает. Многие в первый раз слышат, что есть на свете Россия». Это, что называется, замечание по существу. Но есть и более конкретное: «Бельё столовое так мерзко, так толсто и так скверно вымыто, что гадко рот утереть. Кроме толсто-

ты, дыры на нём защиты голубыми нитками! Нет и столько ума, чтоб зашить их белыми! Правду сказать, народ здешний с природы весьма скотиноват. Если кто из молодых моих сограждан вознегодует, видя в России злоупотребления и неустройства, и начнёт в сердце своём от неё отчуждаться, то для обращения его на должную любовь к отечеству нет вернее способа, как скорее послать его во Францию». Недипломатичное высказывание... Не правда ли?

Ведь в нашем представлении дипломат – это человек сдержанный и безукоризненный во всём: и в словах, и в манерах, и в одежде... Денис Иванович не вписывался ни в какие стереотипы. Его злого языка боялись все представители высшего света, включая и саму императрицу. Екатерина Великая не простила Фонвизину лаконичной и исчерпывающей характеристики его Бригадирши, в которой государыня узнала себя: «Толста, толста! Проста, проста!» К тому же царица испытывала и творческую зависть к литератору – она и сама писала пьесы, которые с фонвизинскими конкурировать не могли.

Екатерина понимала сатиру только в «улыбательном духе» – без злости. Фонвизин – совершенно по-другому. «Пикировка» царицы и писателя на литературном поприще продолжалась долгие годы. Княгиня Дашкова, издававшая сочинения Фонвизина, однажды принесла показать императрице его «Вопросы» для академического журнала «Собеседник». Императрица разрешила их напечатать, но только с ответа-

ми, которые составила сама. На знаменитый «Вопрос № 9»: «Отчего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми?» – императрица не без остроумия отвечала: «Оттого что на суде не изобличены».

Впрочем, в чужом глазу Фонвизин, что называется, мог разглядеть и соринку, высмеивая любые недостатки с едким остроумием, но в своём не замечал и бревна. Он страдал от обжорства... Был неумеренным в питии... Любил волочить-ся за женщинами... Его главным стремлением было получение постоянных удовольствий. «Я положил за правило, – писал Фонвизин, – стараться вести своё время так весело, как могу; и если знаю, что сегодня в таком-то доме будет мне весело, то у себя дома не остаюсь». Одеться Денис Иванович любил как павлин. Отправляясь в Италию, писал: «Хочу нарядиться и предстать в Италии щёголем... «Это русский сенатор! Какой знатный вельможа!» Вот отзыв, коим меня достаивают, а особливо видя на мне соболий сюртук, на который я положил золотые петли и кисти...» Как видно из этого письма, Денис Иванович был начисто лишён самоиронии. Особой порядочностью он тоже не отличался, что подтверждает история, наделавшая в свете много шума. В 1774 году драматург женился на вдове, купчихе Катерине Хлоповой. Вдова была дочерью весьма богатого купца Роговикова. В своё время она бежала из отчего дома и тайно венчалась с поручиком Хлоповым, отчего разгневанный дядя, опекун романтической девицы, отказался выдать племяннице придан-

ное в 300 тысяч рублей – огромные по тем временам деньги. Хлопов принялся судиться, его бумаги попали к Фонвизину... Таким образом Денис Иванович и познакомился с Екатериной... Но тут бедняга-поручик умер. Дальновидный Фонвизин не растерялся и быстро женился на вдове. И вскоре, с помощью могущественных покровителей, отсудил половину её приданого.

Дружбы покровителей Денис Иванович добивался всеми возможными способами. С фаворитом Екатерины II, светлейшим князем Потёмкиным, они были знакомы давно – учились в одной гимназии в Москве. Драматург продолжил это знакомство и в Петербурге. Во время утреннего туалета вельможи Фонвизин его часто потешал, передавая сплетни и передразнивая знакомых – выступая, по чести сказать, в роли шута. Потёмкин и сам любил шутовски копировать окружающих, поэтому выходки Фонвизина ему нравились. Кстати, с Потёмкиным связывают и известный анекдот из жизни Фонвизина. Якобы после премьеры «Недоросли» князь подошёл к Денису Ивановичу и сказал: «Умри, Денис! Лучше всё равно не напишешь».

Комедия «Недоросль» действительно так и осталась самым известным детищем писателя. Впрочем, и жизнь Фонвизина была недолгой – он прожил всего 47 лет, так и не оправившись от разбившего его паралича.

Певец забавы

Возможно, из курса школьной литературы или по собственному почину вы открыли для себя тонкого лирика **Константина Николаевича Батюшкова** (1787–1855), написавшего и эти строки:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!..

Так вот – Батюшков тоже служил по дипломатическому ведомству. Правда, произошло это не по зову сердца или соображениям карьеры. Как это ни странно звучит, но поэт стал дипломатом вследствие тяжёлой душевной болезни. Впрочем, обо всём по порядку...

Константин Николаевич был человеком безрассудной отваги – из тех, кто сами «лезут под пули». И пуля настигла поэта в двадцать лет. Тогда, в марте 1807 года, он пошёл добровольцем в Прусский поход и был ранен в кровопролитной битве с французами под Гейльсбергом. Едва поправившись, Батюшков вновь отправился на войну – на сей раз со Швецией. Смерть, кровь, потеря друзей – всё это пошатнуло пси-

хику поэта. Своему другу Гнедичу он пишет прямо, что опасается лет через десять окончательно сойти с ума.

Однако это Константина Николаевича не остановило. В 1813 году он вновь оказался там, где свистели пули.

В качестве адъютанта генерала Раевского Батюшков участвовал в Заграничном походе русской армии. Он стал свидетелем капитуляции Парижа и, сделав приличный крюк – через Англию, Швецию и Финляндию, – вернулся в Петербург.

Константина Батюшкова называли надеждой русской литературы. Он был любимым поэтом Пушкина-лицеиста. Впрочем, и в зрелые годы Александр Сергеевич относился к Батюшкову с большой симпатией, называя его «счастливым ленивцем» и «певцом забавы». «Слог трепещет... Гармония очаровательна...» – восторгался Пушкин поэзией своего собрата по перу. Однако Батюшков очень боялся похвал. За тева издание многотомных «Опытов в стихах и прозе», он со страхом говорил: «Сделают идолом и тут же в грязь втопчут».

Кстати, Батюшкову первому принадлежит сравнение России со скачущим конём, позже впечатляюще использованное Пушкиным в «Медном всаднике» и косвенно – Гоголем в образе «птицы-тройки». В очерке «Прогулка в Академию художеств» Батюшков написал: «У нас перед глазами Фальконетово произведение... сей чудесный конь, живой, пламенный, статный и столь смело поставленный, что один иностран-

нец, поражённый смелостью мысли, сказал мне, указывая на Фальконетова: «Он скачет, как Россия».

Батюшков владел французским, немецким, итальянским, латынью и греческим языками. Читал и переводил Гомера, Данте, Боккаччо, Петрарку... Особо боготворил поэта эпохи Возрождения Торквато Тассо.

Средств к существованию этот талантливый и образованный человек, увы, не имел. А здоровье его между тем с каждым днём ухудшалось. Врачи настоятельно рекомендовали поэту отправиться на лечение в Италию. Поэтому друзья устроили Батюшкова секретарём русской дипломатической миссии в Неаполе. Казалось бы, солнце и море должны были вернуть страдальца к жизни. Но нет! Константин Николаевич ненавидел канцелярщину – работа с документами его раздражала. А тут ещё случилась Неаполитанская революция 1820 года. Это вконец расстроило нервы поэта, о чём один из его современников свидетельствовал так: «Батюшков сошёл с ума в Неаполе страхом карбонаризма».

После Италии «история жизни Батюшкова превратилась в историю болезни». Помня о дурной наследственности, поэт страшился душевного расстройства всю жизнь – умопомешательством страдали и дед Константина Николаевича, и его мать, и сестра Александра. Батюшков писал Жуковскому: «С рождения я имел на душе чёрное пятно, которое росло, росло с годами и чуть было не зачернило всю душу».

В Симферополе, куда его отправили долечиваться, Ба-

тющков вдруг сжёг всю свою библиотеку, исключая Евангелия и книги французского поэта-романтика Шатобриана, которого называл «Шатобрильянтом». Тогда же поэт совершил три попытки самоубийства – выбрасывался из окна и даже пытался перерезать себе горло. У Батюшкова бывали и галлюцинации: он полагал, что в печке у него спрятался министр иностранных дел Нессельроде, который за ним следит. В итоге в сопровождении двух санитаров и врача-психиатра Константин Николаевич был отправлен в Санкт-Петербург.

По распоряжению Александра I Батюшкову были предоставлены бессрочный отпуск и субсидия для лечения в Германии. Там, в городе Зонненштейн, консилиум врачей нашёл его болезнь неизлечимой. Поэт подал царю прошение о пострижении в монахи в Соловецком или в Белозерском монастыре, но ответа не получил. Его отпуск долго продлевался автоматически, лишь в 1833 году Николай I уволил Батюшкова со службы, назначив немалую пожизненную пенсию.

Из Германии Батюшков вернулся в Москву, где заболел тяжёлым воспалением лёгких. Пушкина, пришедшего его навестить, не узнал. Александр Сергеевич был потрясён этой встречей. Есть мнение, что именно тогда у него и родилось знаменитое стихотворение «Не дай мне бог сойти с ума».

В 1832 году Батюшкова перевезли на родину – в Вологду. Он жил в семье своей внучатой племянницы А.Г. Гревенс. Подле больного постоянно находился врач – Антон Дитрих,

который вёл записи о состоянии поэта. В первое время Батюшковым овладевали «приступы бешенства», его приходилось удерживать, чтобы он не нанёс вреда самому себе и окружающим. В 1840 году на смену возбуждению пришла апатия – поэт не выходил из своей комнаты и не любил, когда к нему входили. К некоторым людям проявлял необъяснимую ненависть, к другим – сильную симпатию. Он искренне полюбил маленького брата А.Г. Гревенс, Модеста, и, когда мальчик на шестом году жизни умер, горько его оплакивал. Батюшков даже завещал, чтобы его похоронили возле Модеста в Спасо-Прилуцком монастыре, что и было со временем исполнено. Константин Николаевич много читал, иногда принимался рисовать, вырезал из бумаги фигурки птиц и зверей, раскрашивал их в неестественные цвета и приклеивал кусочки золотистой или серебристой фольги...

Но с началом в 1853 году Крымской войны в состоянии больного произошли изменения. Даже пошли слухи о его выздоровлении. Апатия исчезла. Константин Николаевич выписал русские и иностранные газеты, следил по карте за ходом военных действий, втыкая разноцветные флажки. Однако есть свидетельства, что в этой активности проявилась ещё одна грань безумия больного. Батюшков считал, что только он сможет разрешить «восточный вопрос» и положить конец притеснениям турками христиан, что стало формальным поводом к началу войны.

В Вологде он почти не писал стихов – известно только

три произведения. Одно из них – самое знаменитое, «Подражание Горацию», – написано по просьбе племянницы Елены. Стихотворение напоминает по содержанию «Памятник» Пушкина и аналогичные стихи Державина и Горация.

Я памятник воздвиг огромный и чудесный.
Прославя вас в стихах:
не знает смерти он.
Как образ милый, добрый
и прелестный
(Ив том порукою наш друг
Наполеон)...

Последние строчки фрагмента красноречиво свидетельствуют о душевном состоянии Батюшкова.

Наибольшие споры среди литературоведов вызывает стихотворение «Изречение Мельхиседека», написанное мелом на куске чёрного сланца. Стихотворение было найдено только после смерти поэта. Очевидно, что этому стихотворению он придавал особое значение, тщательно храня его и никому не показывая.

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом родился человек,
Рабом в могилу ляжет.
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шёл долиной чудных слез.

Страдал, рыдал, терпел, исчез.

Константина Бытюшкова не стало в 1855 году – он умер от «тифозной горячки».

Тот, кто ускорил будущее

К плеяде поэтов-дипломатов принадлежал и **Дмитрий Владимирович Веневитинов** (1805–1827). Он служил в архиве Коллегии иностранных дел и в азиатском департаменте Министерства иностранных дел России – то есть был в числе тех, кого библиофил, друг Пушкина Сергей Соболевский иронично окрестил «архивны юноши», а Пушкин увековечил это прозвище в «Евгении Онегине».

Выпускник Московского университета Дмитрий Веневитинов был блестящим поэтом. Современники прочили ему славу Пушкина. Впрочем, были и те, кто, в такой же мере, считали его гениальным философом. Дмитрий Владимирович был одним из организаторов московского «Общества любомудрия» – так буквально переводится греческое слово «философия». Целью этого кружка было просвещение России, освобождение русской мысли от условностей, невежества и раболепства. Именно в зарождении у нас любомудрия Веневитинов видел возможность воплотить идеалы эпохи Просвещения – привить народу привычку действовать, руководствуясь собственным разумом. Став литературным критиком, он собирался, ни много ни мало, изменить ход развития русской литературы, слабость которой видел «не столько в образе мыслей, сколько в бездействии мысли».

Современники оставили яркий портрет молодого поэта и

философа: «Его счастливая наружность, его стройные движения, вдохновенная речь, светская, непритворная любезность, столь знакомые всем, вблизи его видевшим, ручались в том, что он и жизнь свою образует как произведение изящное».

Увы, Веневитинову было отпущено отчаянно мало земного времени – он не дожил до 22 лет.

Зато жизнь подарила юноше настоящую любовь. Его музой стала светская львица, хозяйка известного литературного салона Зинаида Волконская. Веневитинов влюбился со всей страстью двадцатилетнего поэта. Но Зинаида была старше его на шестнадцать лет, и к тому же давно замужем. Её супруг, князь Никита Григорьевич Волконский, доводился будущему декабристу Сергею Волконскому родным братом. Брак Зинаиды не был счастливым, но пренебречь мнением света она не могла.

Были романтические прогулки по Симонову монастырю, задушевные разговоры – поэту был дарован очень короткий период счастья... Вскоре Зинаида попросила о разрыве отношений, на наш современный взгляд вполне невинных. А в знак «давай останемся друзьями» подарила Дмитрию кольцо – простой на вид металлический перстень, извлечённый из пепла при раскопках Геркуланума. Друзья говорили, что Веневитинов никогда не расставался с подарком княгини, носил перстень при себе и обещал надеть или идя под венец, или стоя на пороге смерти.

Однажды, возвращаясь легко одетым с вечера у Ланских, поэт простудился и буквально за несколько дней сторел от пневмонии. Видя, что часы Дмитрия сочтены, его друг надел ему на палец перстень Волконской. Веневитинов на минуту пришёл в себя и спросил: «Я венчаюсь?» И умер.

В 1930 году, когда ликвидировали Симонов монастырь, где был похоронен поэт, прах его перенесли на Новодевичье кладбище. Кольцо же извлекли из гроба и передали в музей...

В одной из своих статей Веневитинов говорит от имени философа Платона: «...она снова будет, эта эпоха счастья, о которой мечтают смертные. Нравственная свобода будет общим уделом; все познания человека сольются в одну идею о человеке; все отрасли наук сольются в одну науку самопознания. Что до времени? Нас давно не станет, – но меня утешает эта мысль. Ум мой гордится тем, что её предугадал и, может быть, ускорил будущее».

Архивариус всего мира

Владимир Павлович Титов (1807–1891) – имя сегодня практически забытое. Между тем этот человек являлся кавалером всех российских орденов и имел многочисленные награды иностранных государств. Он был более дипломатом, чем литератором: служил генеральным консулом в Дунайских княжествах, посланником в Константинополе, Штутгарте... Был членом Государственного совета. Вместе с Одоевским, Шевырёвым и Веневитиновым входил в литературно-философский кружок «Общество любомудрия»... Был знаком с блестящими умами своего времени.

Считается, что так и не написанное Пушкиным произведение «Влюблённый бес» вышло под названием «Уединённый домик на Васильевском». И Титов имел к этому самое непосредственное отношение. Услышав, как Пушкин рассказал эту историю у Карамзиных, Владимир Павлович был настолько впечатлён, что записал рассказ и показал поэту. Тот внёс правки, и только после этого повесть была опубликована. Когда правда вскрылась, произведение стало регулярно печататься, при этом каждый раз под разными фамилиями авторов: Титов, Космократов (псевдоним Титова) и даже Пушкин. Повесть заканчивается вопросом: «Откуда у чертей эта охота вмешиваться в людские дела, когда никто не просит их?» И действительно!..

Владимир Павлович Титов был очень начитанным человеком с пытливым умом. Казалось, его интересовало всё на свете. Тютчев говорил в шутку, что Титову «как будто назначено провидением составить опись всего мира».

СВИСТ ПОЛНОЧНЫЙ СОЛОВЬЯ

У **Алексея Константиновича Толстого** (1817–1875) с известностью всё в порядке. Современники и при жизни литератора высоко ценили его поэтический дар, талант драматурга и прозаика. Помнят Алексея Константиновича и сегодня. А вот о том, что он служил в русской миссии в Германии, что его очень ценили при дворе императора Александра II, с которым Толстой был дружен с детства, и о том, что императрица Мария Александровна считала его одним из самых достойнейших и честнейших людей, знают далеко не многие.

Так уж случилось, что литературная известность Алексея Константиновича затмила его дипломатическую деятельность. По сей день многие певцы включают в свой репертуар песни и романсы на его стихи, положенные на музыку композиторами М.А. Балакиревым, Н.А. Римским-Корсаковым, П.И. Чайковским, М.П. Мусоргским, А.Г. Рубинштейном, Ц.А. Кюи, С.И. Танеевым...

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чём звените вы
В день весёлый мая,

Средь некошенной травы
Головой качая?..

Алексей Константинович, хоть и служил по дипломатическому ведомству, не стеснялся быть, как мы бы сказали сейчас, «попсовым», эстрадным автором. Стихотворение «Колокольчики» автор искренне считал лучшим из им написанных, а песня на музыку Петра Булахова, в которой было использовано несколько первых строк, была очень популярна во второй половине XIX века. Её любил и часто исполнял наш великий тенор Сергей Лемешев.

Но, пожалуй, самым любопытным и загадочным в биографии Толстого является тайна его происхождения. Запутанная линия генеалогического древа поэта ведёт к Кириле Разумовскому, последнему гетману Украины, правнуком которого, скорее всего, и являлся Алексей Константинович.

Дед А.К. Толстого по матери, старший сын гетмана Алексей Кириллович, был женат на самой богатой невесте России Варваре Шереметевой, но не ужился с нею, хотя супруга родила ему четверых детей. При Алексее Кирилловиче неотлучно находилась мещанка Мария Соболевская, которая родила ему ещё десять детей – пять мальчиков и пять девочек. В барском доме они числились воспитанниками. Граф был нелюдим, с многочисленными своими «воспитанниками» виделся редко, а с их гувернанткой общался только записками. Мария Михайловна Соболевская хлопотала о

получении дворянства, не жалея денег на взятки чиновникам. Те придумали ей «покойного мужа» из знатной польской фамилии Перовских. Легенда была таковой: якобы законный супруг Марии, Алексей Перовский, погиб под Варшавой. Соболевская годами добивалась внесения вымышленных Перовских в дворянскую родословную книгу и, наконец, получила выписку с приложением герба несуществующего рода Перовских. Однако потомственное дворянство было дано лишь детям, а Мария Михайловна осталась в мещанском сословии.

Все дети графа получили хорошее образование, а дочери – ещё и видных женихов. Богач Алексей Кириллович давал за девушками такое приданое, что мамыши из светских семейств предпочитали закрывать глаза на сомнительную историю происхождения воспитанниц графа. Анну Алексеевну, мать будущего писателя, выдали замуж за вдовца, отставного полковника, советника Государственного ассигнационного банка графа Константина Петровича Толстого. Но супруги не ужились, и Анна, взяв с собой младенца-сына, уехала в одно из своих имений. Хорошо знавшие эту семью уверяли, что причиной разрыва стал блестящий ум молодой жены, на фоне которого интеллект Константина Петровича несколько мерк. Ну а этого граф вынести никак не мог.

После смерти последнего украинского гетмана потомки унаследовали его бесчисленные имения. Алексею Перовскому, брату матери и воспитателю А.К. Толстого, досталось по-

местье Красный Рог, куда они все вместе и переехали. Перовский подал в отставку и занялся литературой и воспитанием племянника. Но охочие до сплетен светские старухи с упоением разносили легенду о том, что родным отцом А.К. Толстого был его дядя – Алексей Перовский.

В одной из своих статей знаменитый философ В.В. Розанов отмечает, что А.К. Толстой нигде не упоминает даже имени своего «фамильного отца», а говорит в своём «длинном тёплом, сыновнем рассказе» исключительно о матери и «дяде по матери». Впечатлительный Розанов видел в этом доказательство происхождения графа «от супружеских отношений брата и сестры». «Жареную» версию рассматривают как возможную и некоторые другие уважаемые учёные. Например, С.А. Венгеров отмечает, что красавица Анна Алексеевна Перовская «вышла замуж за пожилого и весьма малопривлекательного вдовца, графа Константина Петровича Толстого» и что «рождение Алексея Константиновича привело к домашней катастрофе и открытому разрыву». Устно передаваемая легенда идёт ещё дальше и повествует о том, что самый брак А.А. Перовской и К.П. Толстого имел фиктивный характер и заключён был для покрытия последствия неосторожной связи между Алексеем Перовским и его сестрой Анной.

Как бы то ни было, предки наградили Алексея Константиновича многими достоинствами. Этот человек имел богатырское телосложение – перебрасывал двухпудовую гирию

через флигель, с лёгкостью гнул кочерги, пятаки и подковы... В одиночку заламывал на охоте медведя... Но при этом был абсолютно беспомощен перед волей своей высокоумной матери. Анна Алексеевна нещадно тиранила сына.

Однако жену Алексей Константинович себе выбрал под стать матери. Его избранницей стала дворянка из старинного, но обедневшего рода Бахметевых, жена ротмистра Миллера – Софья. Красотой она, правда, не отличалась и по чертам лица более походила на мужчину: тяжёлый волевой подбородок, высокий лоб... Но это была женщина большого ума, прекрасно разбиравшаяся и в литературе, и в музыке. Они встретились в январе 1851 года, ему было тридцать три года, ей – чуть меньше. Уезжая с маскарада, Алексей Константинович повторял про себя пришедшие вдруг в голову слова: «Средь шумного бала, случайно...» Так, по легенде, родилось стихотворение «Люблю ли тебя – я не знаю, но кажется мне, что люблю!..». На том же балу с Софьей Миллер познакомился и другой наш классик – Иван Сергеевич Тургенев, но не нашёл в ней ничего примечательного и вскользь заметил: «Лицо чухонского солдата в юбке».

После долгожданного развода Софьи с её ротмистром А.К. Толстой обвенчался со своей подругой в Дрездене в 1863 году. Софья Андреевна Миллер стала графиней Софьей Андреевной Толстой – именно она занимала позицию первой дамы золотого века русской литературы, пока её не сменила полная тёзка, «графиня Софья Андреевна— млад-

шая», супруга Л.Н. Толстого, гостеприимная хозяйка Ясной Поляны и знаменитого пруда, в котором не раз пыталась демонстративно топиться.

«Старшая» Софья Андреевна не сохранила почти ничего из черновиков или дневников А.К. Толстого. Вместе с дочерью маникюрными ножницами они вырезали из писем то, что казалось им неподходящим для публикации. По воспоминаниям очевидцев, вдова А.К. Толстого письма сжигала пачками, отбирая для публикации совсем немного, предварительно сократив и это немного до минимума. Первое место по количеству сохранившихся писем среди адресатов занимает сама Софья Андреевна Миллер-Толстая. Она ничего не оставила из переписки Толстого с матерью и дядей А.А. Перовским, который называл Алексея Константиновича сыном, а тот его отцом – эти письма, по-видимому, смогли бы пролить свет на тайну происхождения писателя. Почти всё, что не успел опубликовать сам А.К. Толстой, утрачено или уничтожено руками его вдовы. Сохранились лишь две записные книжки, одна тетрадь и несколько отдельных листов. Верный семейным обычаям предков, Алексей Константинович не раз давал супруге повод для ревности, и исследователи склонны считать, что расправа с его наследием – месть обиженной женщины. Однако сама Софья Андреевна оправдывала свои действия завещанием А.К. Толстого, который просил не печатать того, что имеет «исключительно личный характер».

Если услышите романс на музыку Петра Чайковского

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты, —

вспомните, что его слова написаны не Пушкиным и не Лермонтовым, а Алексеем Константиновичем Толстым. Его же перу принадлежат множество баллад, сатирических стихотворений, исторический роман «Князь Серебряный», очень остроумные «мистические» повести «Упырь», «Семья вурдалака», «Встреча через триста лет», драматическая трилогия «Смерь Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис», которая до сих пор стоит в репертуаре многих театров... Об остром саркастическом уме Алексея Константиновича свидетельствуют афоризмы Козьмы Пруtkова – это общий литературный псевдоним Толстого и братьев Жемчужниковых, кстати, его кузенов:

- Не всё стриги, что растёт.
- Что имеем – не храним; потерявши – плачем.
- Никто не обнимет необъятного.
- Зри в корень!
- Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть фонтану.

Друг Гёте и Шуберта

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.